КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Января. № 2. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ НОВАГО 1877 ГОДА, ВЪ ПАМЯТЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ КІЕВСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ, ПРЕОБРАЗОВАННОЙ ВЪ 1867 ГОДУ ИЗЪ КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Итакъ, друзья мои, мы и еще закончили одинъ годъ, и еще начинаемъ новый годъ. Но съ вчерашнимъ днемъ, наше заведеніе закончило отъ своего основанія, въ видѣ кадетскаго корпуса, и двадцатипятилѣтіе своего существованія; съ нынѣшнимъ днемъ оно начинаетъ новое двадцатипятилѣтіе, просуществовавъ и въ своемъ преобразованномъ видѣ около десятка лѣтъ. Въ новые годы, обыкновенно, дѣлаютъ обзоры прошлаго, даютъ отчеты за прожитое время; тѣмъ болѣе это и намъ умѣстно въ виду, какъ я уже сказалъ, прожитаго нашимъ заведеніемъ цѣлаго двадцатипятилѣтія.

1-го января, 1852 года, высокочтимый первосвятитель Кіева, въ Бозѣ почившій митрополитъ Филаретъ, благословлялъ кіевскій владимірскій корпусъ въ такихъ знаменатель-

ныхъ словахъ: «Призри въ небесе Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, и соверши, его же насади десница Помазанника Твоего!» Тутъ же маститый старецъ, архипастырь, внушалъ дѣтямъ дорожить щедротами царскими: «Умѣйте дѣти,—говорилъ онъ въ лицѣ первыхъ воспитанниковъ корпуса и всѣмъ послѣдующимъ воспитанникамъ этого заведенія,—умѣйте, дѣти, цѣнить милости Благодѣтеля вашею дѣтскою къ Нему любовію и вѣчною благодарностію. Оправдайте Его ожиданіе прилежаніемъ къ преподаваемымъ вамъ наукамъ и доброю христіанскою нравственностію». Затѣмъ святитель Божій обращалъ и къ наставникамъ свое архипастырское слово: «воспитывайте дѣтей, говорилъ онъ имъ, въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, который есть начало всякой премудрости. И воинственное искуство и мужество христолюбивымъ воинамъ даруется отъ Господа силъ, прибавилъ архипастырь. Вкореняйте въ юныхъ сердцахъ дѣтей,—просилъ архипастырь наставниковъ,—непоколебимую вѣрность ко всероссійскому престолу и благоговѣйную любовь къ помазаннику Господню, да будутъ они истинные сыны и защитники отечества нашего.» Припомнилъ я вамъ, друзья мои, эти замогильныя священныя слова благословенія и наставленія архипастырскаго, положенныя, такъ сказать, въ основаніе жизни нашего заведенія,—припомнилъ для того, чтобы вы отчасти и сами могли сообразить, соотвѣтствовало ли наше заведеніе въ прожитое имъ время своему назначенію,—и на сколько мы теперь соотвѣтствуемъ его основнымъ требованіямъ... Что же касается до меня, то я не могу не сказать нынѣ торжественно за наше заведеніе, что оно за все прожитое имъ двадцатипятилѣтіе нигдѣ не запятнало себя особенно позорнымъ, порочнымъ,—при всемъ томъ, что оно существуетъ въ мѣстности, какъ говорится,

исключительной,—что въ немъ всегда почти были собраны элементы самые разнородные.. Правда, въ нашемъ заведеніи и были вспышки кое какого горючаго матеріала; были у насъ недостатки несовершенныхъ методъ воспитанія съ ихъ послѣдствіями; были у насъ отраженія того, что бродитъ въ горячихъ головахъ неустановившейся молодежи: но гдѣ этого не было?.. Однако хода роста это дурное у насъ, благодареніе Богу, не имѣло,—и подавлялось быстро. А между тѣмъ нравственное начало жизни въ нашемъ заведеніи не подлежитъ сомнѣнію; а между тѣмъ ростъ нашего заведенія несомнѣнно замѣтенъ. Не объ этомъ ли говоритъ уже самое преобразованіе бывшаго кадетскаго корпуса въ теперешнюю военную гимназію? Не объ этомъ ли говоритъ самое расширеніе нашего заведенія изъ трехсотнаго въ пятисотенный составъ? Не объ этомъ ли говорятъ разныя измѣненія, дополненія и разъясненія въ правилахъ учебно-воспитательной дѣятельности нашего заведенія, которыхъ бываетъ не мало въ продолженіи каждаго года?. Есть и теперь въ нашемъ заведеніи два преподавателя, два живыхъ свидѣтеля его основанія, его преобразованія и вообще всей прожитой имъ двадцатипятилѣтней жизни. Призываю ихъ во свидѣтели того, что наше заведеніе не прозябало, а росло умственно и нравственно. Оно приготовило нѣсколько сотъ вѣрныхъ слугъ престолу и отечеству; и если доселѣ у насъ нѣтъ мраморной доски, по примѣру другихъ военноучебныхъ заведеній, съ записями именъ воспитанниковъ, пролившихъ кровь свою за вѣру и отечество, то только потому, что не было еще случая воспитанникамъ нашего заведенія запечатлѣть кровію полученные ими здѣсь уроки чести, благодаря нынѣшнему благополучному, продолжительному, мирному царствованію. Нѣкоторые воспитанники нашего заведенія теперь

уже сами воспитываютъ другихъ,—и даже въ нашемъ же заведеніи; а нѣкоторые успѣли заявить себя на помощь науки и кое какими солидными трудами. Вообще же, воспитанники нашего заведенія, поступавшіе въ столичные спеціальные классы, судя по отзывамъ многихъ, не роняли нашего заведенія; такъ, по крайней мѣрѣ, было доселѣ.

Твердо помнимъ мы и нынѣ, что въ основѣ всякой правильной жизни, а слѣдовательно и военной, лежитъ Божій страхъ, христіанское благочестіе, по апостолу, на все полезное и, по возможности, полагаемъ, это правило въ основу жизни нашего заведенія,—здѣшняго воспитанія! Священникъ у насъ, слава Богу, не лишній человѣкъ; законъ Божій, кажется, не мертвый предметъ; молитва церковная, думаю, не тяготитъ насъ; храмъ Божій для насъ святое, желанное мѣсто. Помнимъ мы святой завѣтъ святительскій и относительно Царственнаго основателя этого заведенія: заведеніе съ благоговѣніемъ чтитъ память въ Бозѣ почившаго Императора Николая 1-го, нѣсколько разъ въ году оно совершаетъ о немъ заупокойныя моленія. Молитва о Государѣ и царствующемъ домѣ творится у насъ часто и колѣнопреклоненно. Помнимъ мы заповѣдь и о любви братской,—и милости христіанской. Всегда почти чутко отзывалось горе ближнихъ въ нашемъ обществѣ и сопровождалось усердными приношеніями въ ихъ пользу и со стороны воспитывающихъ и со стороны воспитываемыхъ; приходилось даже иногда и сдерживать излишнюю щедрость дѣтей благотворителей. Но что особенно, по моему мнѣнію, дѣлаетъ честь нашему заведенію, или лучше, обществу здѣсь служащихъ, такъ это то, что уже больше пяти лѣтъ существуетъ въ немъ для дѣтей бѣдной здѣшней прислуги даровая школа, устроенная

и содержимая постоянными пожертвованіями нашими въ пользу меньшихъ братій..

Но, однакоже, не станемъ вдаваться въ самохваленіе,— не скажемъ, что теперь у насъвсе обстоитъ благополучно,— все прекрасно. О, нѣтъ!. Еще остается намъ желать и ожидать въ будущемъ многаго, многаго лучшаго и въ нашей школьной—учебновоспитательной жизни, и вообще въ жизни нашего здѣшняго общества... О будущемъ помолимся, друзья мои, молитвою, которою обыкновенно молятся христіане въ день новолѣтія; а нашу рѣчь заключимъ молитвеннымъ благословеніемъ первосвятителя кіевскаго, двадцать пять лѣтъ тому назадъ благословившему наше заведеніе: «Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей и соверши, егоже насади десница Помазанника Твоего.» Аминь.

Свящ. *П. Троцкій.*

ИЗЪ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Лавра св. Саввы.

I.

Не слово нужно бы начать,
А плачъ—«Плачевною Юдолью»:
Такъ тяжело здѣсь проѣзжать,
Такъ полонъ весь душевной болью.
Ни сёлъ, ни травъ, ни деревца
На этихъ спускахъ и подъемахъ;
Все скалы, скалы безъ конца,
И тѣ въ развалинахъ, въ изломахъ!

Такая пустошь пролегла
Глубоко-грустная, нѣмая,
Что впрямь ее молва людская
«*Долиной смерти*» прозвала.
Но предъ ущельемъ—мысль и слово
Оцѣпенѣютъ; въ сердцѣ страхъ:
Какъ будто смерть сама сурово
Ведетъ къ обители въ скалахъ.
И словно въ тяжкой вѣчной мысли
О тлѣнной участи земной,
И скалы самыя нависли
Вокругъ обители святой.
Пещеры темныя зіяютъ
Печальнымъ рядомъ передъ ней
И сотней устъ своихъ вѣщаютъ
О скоротечности людей.
На всемъ хребтѣ угрюмо-старомъ
Бока чернѣютъ такъ темно,
Какъ опаленные пожаромъ
И позабытыя давно;
Вездѣ обглоданные жадно
Костлявой пастію вѣковъ,
Отъ зноя, ливня и вѣтровъ
Они все крошатся нещадно.
Разсвирѣпѣло здѣсь вполнѣ
Всепожирающее время!..
И не повѣришь старинѣ,
Что здѣсь жило людское племя.
А вѣдь жило, и какъ жило!
Съ какой отрадою, блаженствомъ!
И вотъ—все рушилось, прошло

Съ его чудеснымъ совершенствомъ!..
Край грустный, кто намъ возвратитъ
Тотъ рай души, что время губитъ!
Край страшный, кто тебя почтитъ,
Тебя по прежнему полюбитъ!
Кто скажетъ нынѣ о тебѣ
«*Пустыня-мати!*» Кто посмѣетъ
Сознаться вслухъ, что онъ жалѣетъ
Объ этой горестной судьбѣ!
На сердце робкое духъ вѣка
Неодолимо вѣетъ... Что-жь,
Ужель теперь и человѣка
Во всей пустынѣ не найдешь?
Напрасно смотритъ посѣтитель
На рядъ высотъ, пещерныхъ нишъ:
Одна лишь ты въ глуши стоишь,
Осиротѣвшая обитель!

И какъ по истинѣ чудесно
Она надъ пропастью скользитъ
И, къ нѣдрамъ скалъ прижавшись тѣсно,
Какъ на скалѣ скала стоитъ!
Подумаешь—въ горахъ таится
Та крѣпость давняя, и въ ней
Отъ вѣкъ сокровище хранится
Безцѣнное для всѣхъ людей...
Здѣсь, въ этой пропасти суровой
И въ пламенѣющихъ скалахъ,
Искалъ пріютъ себѣ готовый
Горящій вѣрою монахъ *)

*) Св. Савва въ V вѣкѣ.

И пламень вѣры въ немъ душевной
Сильнѣй былъ пламенныхъ высотъ:
Одинъ въ Юдолѣ сей плачевной
Онъ остается и живетъ;
Случайно въ темную берлогу
Вошелъ и льва увидѣлъ онъ,
Но, всей душою вѣря Богу,
Велѣлъ онъ звѣрю выйти вонъ,
И, радъ сердечно подземелью,
Онъ сдѣлалъ церковью его,
А ложе льва—своей постелью,
И славилъ Бога своего!
И на безжизненной пустынѣ
Обитель быстро разцвѣла,
И нынѣ, въ цѣлой Палестинѣ,
Она единая цѣла!..
Вотъ цѣпью лѣстницъ, переходовъ,
Крутыхъ, изсѣченныхъ въ скалѣ,
Подъ тяжестью нависшихъ сводовъ,
Проходишь съ хладомъ на челѣ.
Мѣстами—выдолблены кельи,
Гдѣ братья, выходцы всѣхъ странъ,
Живутъ въ молитвѣ, въ рукодѣльи,
Какъ дѣти первыхъ христіанъ.
Идешь, дивуешься безъ мѣры,
Какъ тутъ спасаться, какъ тутъ жить,
На что здѣсь глянуть изъ пещеры!?
По мнѣ—здѣсь жутко и ходить!..
Еще подъемъ, еще площадка—
И вотъ пріютъ Дамаскина:
Ужь келья храмъ; горитъ лампадка,

Въ углу могила; тишина;
И будто слышатся напѣвы
Его плѣнительныхъ стихиръ,
И внемлетъ образъ Приснодѣвы,
Благословившей пѣсни въ міръ;
А подлѣ, на площади тѣсной,
Друзья поэзіи—цвѣты:
Здѣсь хорошо! здѣсь миръ небесный
На сердце вѣетъ съ высоты...
О, другъ владыкъ иноплеменныхъ,
Смѣнявшій тронъ на монастырь,
Художникъ пѣсенъ несравненныхъ
И вдохновенныхъ какъ псалтырь,
Что жизнь и вѣчность обнимаютъ,
Что молятъ, празднуютъ, скорбятъ,
Что словно за душу хватаютъ
И прямо сердцу говорятъ,
Склонись надъ путникомъ умильнымъ,
Дай чувству жаръ, дай мысли свѣтъ,
И словомъ любящимъ и сильнымъ
Благослови меня, Поэтъ!

С. Пономаревъ.

ЧЕРНОГОРІЯ ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ОТНОШЕНІИ

(Положеніе православной церкви; духовенство; монастыри; школы; книгопечатаніе; религіозное состояніе народа; религіозные обычаи).

После разрушенія турками въ XIV столѣтіи цвѣтущаго Сербскаго государства, часть жителей его не захотѣла под-

чиниться позорному игу мусульманъ и удалилась въ неприступныя, необитаемыя до того времени, Чорныя горы. Эти сербскіе бѣглецы и принесли съ собой въ Чорныя горы единственное, оставшееся у нихъ послѣ турецкаго погрома, сокровище—православную вѣру, которая съ того времени и утвердилась здѣсь, защищаемая отъ турецкаго фанатизма неприступностью горъ и героизмомъ ея мужественныхъ послѣдователей. Православіе—едиственная религія княжества; поставленное здѣсь лицомъ къ лицу къ фанатически враждебному исламу и принужденное въ продолженіи пяти столѣтій вести съ нимъ непрерывную борьбу, оно закалило себя въ этой борьбѣ и органически слилось съ государственнымъ строемъ страны. Эта тѣсная связь церкви съ государствомъ въ Черногоріи выражалась видимымъ образомъ въ томъ, что до послѣдняго времени высшая государственная и духовная власть сосредоточена была въ рукахъ митрополита и только въ недавнее время, со вступленіемъ на престолъ князя Даніила, предшественника теперешняго князя Николая I, государственная власть перешла въ руки князя. Но и теперь владыка имѣетъ громадное значеніе въ Черногоріи: ни одно важное государственное дѣло не рѣшается безъ его вѣдома и совѣта, и народъ истинно и глубоко уважаетъ этого сановника. Въ настоящее время постъ черногорскаго владыки занимаетъ бывшій настоятель острогскаго монастыря, Иларіонъ Рогоновичъ, посвященный въ епископы въ Москвѣ въ 1863 году. Онъ живетъ теперь въ старомъ цетинскомъ монастырѣ и до сего времени своимъ самоотверженіемъ, преданностію и милосердіемъ постоянно выказывалъ себя достойнымъ своего высокаго положенія. Извѣстна его любвеобильная энергическая дѣятельность въ пользу пострадавшихъ отъ турецкихъ неистовствъ герцоговинскихъ семействъ,

искавшихъ спасенія и защиты въ Черногоріи. Онъ представляетъ собой самаго почтеннаго, безпристрастнаго сановника, самаго искренняго друга черногорскаго народа. Черногорскій владыка не получаетъ содержанія отъ правительства. Онъ имѣетъ 5 тысячъ франковъ, на свое личное содержаніе, изъ церковныхъ доходовъ, получаемыхъ съ аренды земель цетинскаго и острогскаго монастырей. Эти же доходы обезпечиваютъ совершеніе богослуженія во всѣхъ церквахъ княжества. Но какъ недостаточно это обезпеченіе, показываетъ крайняя бѣдность черногорскихъ церквей. Очевидецъ такъ описываетъ цетинскую соборную церковь: «соборная церковь величиною съ большую комнату; поэтому въ ней помѣщаются только князь, княгиня, нѣсколько сенаторовъ и иностранцевъ; княжеская гвардія стоитъ въ дверяхъ, а народъ толпится вокругъ церкви и до него долетаютъ только отрывочные звуки богослуженія. Иконъ въ церкви очень мало, но за то по стѣнамъ, на плащаницѣ и на мощахъ владыки Петра I много ружей, револьверовъ и ятагановъ». Далѣе описаніе самаго богослуженія: «митрополитъ въ старенькой потертой ризѣ стоялъ на войлочномъ коврикѣ, священники служили въ лаптяхъ и револьверы торчали у нихъ изъ подъ облаченія». Изъ такого состоянія столичной соборной церкви можно составить себѣ понятіе о простыхъ деревенскихъ церквахъ, которыя едва отличаются отъ простыхъ убогихъ жилищъ самихъ героевъ-черногорцевъ, въ вѣковой борьбѣ за свое существованіе и за православную вѣру не имѣвшихъ возможности заботиться объ обогащеніи себя и украшеніи своихъ церквей. Въ столичной церкви впрочемъ находится достаточно богатыхъ украшеній, пожертвованныхъ благодаря великодушію россійскихъ императоровъ и благочестію православныхъ славянъ.

Низшее духовенство, число котораго доходитъ до 400, выходитъ изъ простаго народа и мало отличается отъ него. По образованію оно стоитъ не много выше простаго норода, и все знаніе его ограничивается чтеніемъ церковно-славянскихъ книгъ и совершеніемъ богослуженія. По внѣшности священники отличаются отъ міряпъ болѣе по бородѣ, чѣмъ по священнической одеждѣ, которую они часто не носятъ. Внѣ своихъ обязанностей они имѣютъ обыкновеніе носить черногорскій костюмъ съ оружіемъ у пояса. Исторія этого народа сложилась такъ, что мечъ сдѣлался необходимою принадлежностью и тѣхъ, вся сила которыхъ должна заключаться въ крестѣ. Въ праздничный день въ Цетиньи можно видѣть гуляющаго по улицамъ столицы, украшеннаго воинскими орденами священника, съ длинной бѣлокурой бородой, облаченнаго въ чорную рясу съ ниспадающимъ краснымъ поясомъ. Это Стево Капицинъ, протоіерей столицы. Сколько разъ во время послѣдней войны (въ 1862 г.) онъ бросался съ кинжаломъ въ одной рукѣ и знаменемъ въ другой въ передніе ряды отрядовъ, указывая имъ путь къ непріятелямъ! Такіе подвиги въ Черногоріи цѣнятся выше всего—безъ различія званія, возраста и пола. Такіе подвиги, совершаемые подъ вліяніемъ живаго религіозно-патріотическаго одушевленія, составляетъ силу духовенства, заимствующую изъ преданій прошлаго обаяніе, которое въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій окружало особу воинственныхъ іереевъ Чорныхъ горъ.

Монастырская жизнь, имѣющая главною задачею своею спокойное религіозное созерцаніе, естественно не могла развиться широко въ Черногоріи, постоянно находящейся въ отчаяпной борьбѣ за свое существованіе. Поэтому существующіе тамъ нѣсколько старинныхъ монастырей почти совсѣмъ

необитаемы, такъ что и богослуженіе въ нихъ совершается простыми священниками. Изъ монастырей болѣе другихъ замѣчательны Цетинскій и Острогскій.

Въ послѣднемъ помѣщается главное учебное заведеніе Черногоріи—семинарія. Эта семинарія основана въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ путешествія князя Николая въ Россію, на пожертвованный русскимъ государемъ капиталъ, и помѣщена была сначала въ строеніи стараго владычняго дворца въ Цетиньи. Замѣчательный богословъ и литераторъ Миланъ Костичъ, три года бывшій директоромъ семинаріи, успѣлъ поставить семинарію на значительную высоту. Въ 1873 году она была переведена въ острогскій монастырь, гдѣ находится и въ настоящее время.

Въ настоящее время въ Черногоріи нѣтъ ни одного значительнаго села, которое бы не имѣло своей школы, гдѣ мальчики и дѣвочки, съ поразительною легкостью, свойственною этой интеллигентной расѣ, пріобрѣтаютъ знанія, которыя въ настоящее время составляютъ настоятельную потребность населенія.

Что касается религіознаго состоянія собственно простаго народа, то онъ, запертый желѣзнымъ кольцомъ ислама въ своихъ неприступныхъ горахъ, сохранилъ тѣже привычки и религіозные обычаи, которые онъ наслѣдовалъ отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, прибавивъ къ нимъ кромѣ того множество своихъ религіозныхъ примѣтъ, обѣтовъ, естественно вызывавшихся условіями непрерывной боевой жизни среди враждебнаго ислама. Поэтому въ народѣ множество повѣрій, примѣтъ, религіозныхъ обѣтовъ всякаго рода, проходящихъ чрезъ всю жизнь черногорца. Священники и монахи, при своемъ громадномъ вліяніи на народъ, могли бы способствовать очищенію религіозности народа; но къ сожалѣнію, ихъ

ничтожное образованіе не даетъ имъ средства для этого. Но не смотря на множество суевѣрій, черногорецъ свято хранитъ и церковные обычаи православной церкви. Такъ, вставая, ложась спать, передъ обѣдомъ и послѣ него, онъ также какъ и русскій человѣкъ непремѣнно крестится и произноситъ коротенькую молитву. Изъ описанія главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ мы увидимъ, какъ свято чтутъ черногорцы различныя священныя вещи и связанныя съ ними преданія.

Такъ какъ въ православныхъ странахъ существуетъ обыкновеніе со дня Рождества поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и дѣлать взаимно подарки, то вслѣдствіе этого въ Черногоріи, также какъ и въ Россіи, оба праздника перемѣшиваются или, вѣрнѣе, соединяются цѣлымъ рядомъ празднествъ. Въ день Богоявленія происходитъ освященіе домовъ. Въ Цетиньи, по окончаніи обѣдни, владыка съ большимъ торжествомъ отправляется во дворецъ, чтобъ окропить каждую комнату святой водой; низшее духовенство исполняетъ тоже въ остальныхъ домахъ столицы и сбираетъ при этомъ добровольныя приношенія. Длинный постъ, столь строго и свято соблюдаемый, что черногорцу кажется простительнѣе убить врага, чѣмъ поѣсть мяса въ запрещенное время, долго подготовляетъ его къ веселію на праздникъ Пасхи.

Всю Страстную недѣлю продолжается самое усиленное умерщвленіе плоти. Въ древности, въ продолженіе этой недѣли, назначались перемирія между двумя враждующими племенами и не приводилась въ исполненіе самая ожесточенная родовая месть. Наконецъ на зарѣ изъ глубины иконостаса раздается пѣніе священниковъ, возвѣщающее о воскресеніи Христа, и это событіе принимается всѣми присутствующими

какъ самая радостная вѣсть. Начинаются, какъ и въ день Рождества, братскія объятія въ знакъ мира, дружбы и общей радости. Затѣмъ садятся за разгавливанье, которое бываетъ болѣе или менѣе обильно даже и въ самыхъ бѣдныхъ семействахъ.

Въ деревняхъ до сихъ поръ сохранился обычай утромъ въ день Пасхи носить въ церковь для священія жаренаго ягпенка, яйца, сыръ и хлѣбъ съ солью. Все, что изъ освященныхъ продуктовъ не бываетъ съѣдено, то сжигается, такъ какъ никто не рѣшится просто выкинуть ихъ. Между тѣмъ повсюду раздаются пистолетные выстрѣлы, перемѣшиваясь съ возгласами: *воистину воскресъ*. Вино, водка не жалѣются никѣмъ, и на первой весенней травкѣ начинаются оживленныя пляски, продолжающіяся до самаго вечера. Понедѣльникъ на святой недѣлѣ посвящается памяти умершихъ. На ихъ могилахъ зажигаются свѣчи и лампады, и мрачныя похоронныя молитвы перемѣшиваются съ послѣдними праздничными криками. Въ тѣ времена, когда обычай брататься былъ сильно распространенъ, недѣлю св. Пасхи выбирали по преимуществу тѣмъ временемъ, когда церковь освящала неразрывные узы *побратимовъ*, клявшихся и жить и умирать вмѣстѣ.

Въ каждомъ домѣ есть свой святой—покровитель, день котораго празднуется съ необыкновеннымъ торжествомъ. За обѣдъ, на который приглашаются всѣ родственники и друзья, сами хозяева и члены ихъ семейства не должны садиться ни подъ какимъ видомъ. Они напротивъ обязаны все время прислуживать своимъ гостямъ, а сами обѣдаютъ уже послѣ всѣхъ. Только въ домѣ князя нарушается этотъ обычай, да и тутъ гостямъ прислуживаетъ первое въ семействѣ лицо послѣ князя. Среди стола по обычаю, ставится большой

ржаной хлѣбъ и на немъ горитъ священная свѣчка, причемъ строго запрещается зажигать что-либо на ней. Въ древности, а можетъ быть и теперь въ какихъ нибудь отдаленныхъ деревняхъ, день святаго, покровителя семейства, праздновался нѣсколько иначе. Накапунѣ вечеромъ младшій сынъ семейства отъ имени отца отправлялся приглашать на праздникъ его друзей. Подойдя къ двери, онъ обыкновенно говорилъ: «Дай Богъ вамъ царствія небеснаго. Мой отецъ вамъ кланяется и приглашаетъ васъ придти къ нему сегодня вечеромъ выпить стаканъ водки. Мы будемъ бесѣдовать, чтобы скорѣе шло время, и мы не спрячемъ того, что принесетъ святой покровитель *старѣйшина*» (глава дома). Друзья безъ дальнихъ разговоровъ отправлялись въ путь и, придя въ домъ, слѣдующимъ образомъ здоровались съ хозяиномъ: «Добраго вечера! поздравляемъ съ праздникомъ; дай тебѣ Богъ въ здоровьѣ и весельѣ праздновать его многіе годы!» Затѣмъ начинали пить, ѣсть, веселиться и пѣвцы съ восторгомъ начинали пѣть свои поэтическія пѣсни про юнаковъ удалыхъ, что не одинъ десятокъ головъ турецкихъ порубили въ кровавой сѣчѣ. Торжество было полное.

Черногорцы имѣютъ большую склонность къ религіознымъ процессіямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Процессіи эти устроиваются или для поклоненія мощамъ, или для освященія жатвы и воды, или по обѣту. Мужчины при этомъ несутъ образа святыхъ и не особенно стройно поютъ разныя молитвы.

(Церк. Вѣстн. № 38).

ЕЛКА ВЪ КІЕВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ШКОЛѢ.

Помню около года тому назадъ въ нашихъ мѣстныхъ органахъ печати появилось нѣсколько статей относительно Кіево-Вознесенской школы, вызванныхъ рѣзкими отзывами о ней, если не ошибаюсь, г. П., какъ-то разъ въ качествѣ газетнаго корреспондента посѣтившаго означенную школу. Живо помню и о томъ непріятномъ чувствѣ при чтеніи несправедливаго отзыва г. П, которое всегда приходится испытывать, когда по легкомыслію рѣшаются бросать тѣнь на дѣло, требующее поддержки и полнаго сочувствія всѣхъ благомыслящихъ людей. Время лучше всякихъ разноглагольствованій показало, какъ скороспѣшны были упреки и зловѣщія предсказанія г. П. Переплетное заведеніе при школѣ, по мнѣнію сообразительнаго корреспондента, крайне не раціонально поставленное и казавшееся разорительнымъ для небольшихъ школьныхъ суммъ, постоянно расширяетъ свои дѣйствія и производимыми въ немъ работами не только покрываетъ затраты по закупкѣ матеріаловъ и найму опытнаго переплетчика, подъ руководствомъ котораго ученики обучаются ремеслу, но даже имѣетъ возможность удѣлять небольшія суммы за труды и послѣднимъ. Кромѣ переплетнаго заведенія школа нашла возможность открыть и столярное, подобно первому существующее, преимущественно, на суммы, получаемыя отъ изготовляемыхъ имъ заказовъ. Не менѣе можетъ порадовать посѣтителя школы и характеръ преподаванія предметовъ, входящихъ въ кругъ школьной программы.... Впрочемъ цѣль моей настоящей замѣтки не оцѣнка кіево-вознесенской школы въ учебномъ и ремесленномъ отношеніяхъ; объ этомъ я намѣренъ поговорить подробнѣе въ другое время. Теперь же

я имѣю въ виду подѣлиться тѣмъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, какое я вынесъ изъ посѣщенія означенной школы во время устройства въ ней елки, вечеромъ 2-го генваря настоящаго года.

Елка въ кіево-вознесенской школѣ бываетъ ежегодно. Учащимся въ школѣ дѣтямъ за нѣсколько дней до Рождества Христова сообщаютъ о днѣ предстоявшаго праздника съ приглашеніемъ явиться на него. Приглашаются также и лица, своими пожертвованіями содѣйствовавшія устройку елки. Принявши подобное приглашеніе въ назначенный день около 5 ч. вечера явился и я. Веселое пѣніе сотни молодыхъ голосовъ указало мнѣ комнату, гдѣ было собраніе. Я вошелъ. По серединѣ стояла елка, блестѣвшая множествомъ огней и убранная орѣхами, конфектами и разными пряностями. Не подалеку на столѣ лежало нѣсколько десятковъ книгъ, много карандашей, бумаги, коробочекъ съ принадлежностями для шитья и т п. Все это обыкновенно и каждому болѣе или менѣе извѣстно. Но нѣчто новое и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное замѣчалось при видѣ лицъ, окружавшихъ обыкновенную елочную обстановку. Видѣть около сотни дѣтей,- дѣтей, всѣхъ безъ исключенія одушевленныхъ, съ веселыми личиками, съ блестящими отъ радости глазами; слышать ихъ смѣхъ, живые разговоры, безъискуственное, но задушевное пѣніе,—испытывать подобное удовольствіе приходится не особенно часто. Предъ этою широкою, полною радостію не богатыхъ дѣтей, какимъ ничтожнымъ, холоднымъ показалось мнѣ многое изъ того, что привыкли мы называть удовольствіями... Я невольно задумался, перенесшись мыслію къ безвозвратно минувшимъ годамъ своего дѣтства... А веселье дѣтей ежеминутно уве-

личивалось. Пѣніе продолжалось почти, безъ перерыва. Пѣли все, что знали: *Царю небесный, Отче нашъ*, большую часть пѣсней, помѣщенныхъ въ «Родномъ Словѣ» Ушинскаго и т. п. Дѣтскій праздникъ закончился очень не дурно пропѣтымъ гимномъ—*Боже царя храни* и послѣдовавшею за нимъ раздачею находившихся при елкѣ подарковъ.

С. Г.

скихъ воротъ, П. Преображенскаго, и у извѣстныхъ книгопродавцевъ. *Иногородные* благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: въ редакцію *Православнаго Обозрѣнія* въ Москвѣ.

NB. Для иногородныхъ, особенно сельскихъ, священнослужителей, наставниковъ и ученическихъ библіотекъ учебныхъ заведеній, *подписывающихся въ редакціи*, допускается разсрочка: 4 р. высылается ими при подпискѣ и 3 р. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Редакторъ-издатель *свящ. П. Преображенскій.*

Печатать дозволяется. 17 Января 1877 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.